

Н.Д. ГОРОДЕЦКАЯ, ПРИНЯТИЕ САМОУМАЛЕНИЯ
КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ
(ПЕР. Т.П. СИДОРОВОЙ)

ТАТЬЯНА СИДОРОВА

Гомельский областной институт развития образования
Кафедра педагогики и частных методик
ул. Юбилейная, 7, 246032 Гомель, Беларусь
e-mail: oikp@iro.gomel.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7505-3228>
(получено 18.10.2019; принято 20.10.2019)

Abstract

**N.D. Gorodetskaya, *Acceptance of Humiliation as a National Ideal*
(translation T.P. Sidorova)**

The paper contains a previously untranslated extract from the first chapter of the book *The humiliated Christ in modern Russian thought* by the writer and theologian, Nadezhda Danilovna Gorodetskaya. At the beginning of her literary and philosophical review of Russian culture and history, Gorodetskaya turned to the work of the Slavophiles and Westerners, finding in their worldview meekness, humility, sacrifice and other features of the “kenotic” virtues and ideals, so characteristic, in her opinion, of the whole Russian world.

Key words: kenosis, Slavophiles, Westerners, humility, self-depreciation, service, sacrifice

Резюме

Предлагаемый материал содержит фрагмент первой главы из книги писательницы и богослова русского Зарубежья Надежды Даниловны Городецкой *Уничи-*

женный Христос в современной русской мысли, которая ранее не переводилась на русский язык. В начале своего литературно-философского обзора русской культуры и истории Городецкая обращается к творчеству славянофилов и западников, находя в их мировоззрении кротость, смирение, жертвенность и прочие черты «кенотических» добродетелей и идеалов, столь свойственных, по ее мнению, всему русскому миру.

Ключевые слова: кенозис, славянофилы, западники, смирение, самоумаление, служение, жертвенность

От переводчика

Ранее мы знакомили читателей с основными вехами жизни и творчества Надежды Даниловны Городецкой (1901–1985) – писательницы, публицистки, литературного критика, мыслительницы и богослова Русского зарубежья (Сидорова 2018: 172–182). Ее диссертационная работа, ставшая книгой *The Humiliated Christ in Modern Russian Thought* (Лондон 1838) – *Уничиженный Христос в современной русской мысли* является концептуальной не только в богословско-литературном синтезе Городецкой, но и в понимании русской культуры в целом. Работу часто переводят как «Униженный Христос...», руководствуясь дословным переводом: *humiliation* – с англ. ‘унижение’, *humility* – ‘смирение, покорность, повинение’. Сама Автор настаивала на переводе «уничижение» как синонимичного богословскому понятию кенозиса – самоистощания (*self-emptying*) Христа. По мнению ее биографа и коллеги Э. Хилл, возможно, недостаток опыта владения английским привел Городецкую к отождествлению «смирения» и «унижения» – с использованием слова *humiliation* (см. Хилл 2013).

Книга состоит из 5 глав: *I. Принятие самоумаления как национальный идеал, II. Идеал святости в русской художественной литературе, III. Христианские особенности радикального движения, IV. Религиозное и нравственное составляющие уничижения, V. Доктринальные сочинения о кенозисе*. Вниманию читателей предлагается фрагмент I. главы *Acceptance of Humiliation as a National Ideal*.

Напомним, что идея кенозиса в книге Городецкой применяется очень широко к явлениям социально-политической и культурной жизни России XVIII – начала XX веков: Автор затрагивает как персоналии, так и направления. В связи с чем нам представляется наиболее уместным для перевода термин «самоумаление» как характерная черта христианина – независимо от его рода деятельности/служения – в стремлении подражать Христу в Его подвиге самоотречения, жертвенности, послушании. Впрочем, этот термин приветствуется и А.М. Любоумудровым – составителем публикации художественной прозы Н. Городецкой, изданной Пушкинским Домом (см. Городецкая 2013: 6 и далее).

Библиография

- Gorodeckaâ, N.D. (2013). *Ostrov odinočestva: roman, rasskazy, očerki, piš'ma*. Sost., vstup. st., podgot. teksta i komment. Lûbomudrova, A.M. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Rostok [Городецкая, Н.Д. (2013). *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Любомудрова, А.М. Санкт-Петербург: Издательство «Росток»].
- Hill, È. (2013). *Vospominaniâ*. V: Gorodeckaâ, N.D. (2013). *Ostrov odinočestva: roman, rasskazy, očerki, piš'ma*. Sost., vstup. st., podgot.teksta i komment. Lûbomudrova, A.M. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Rostok [Хилл, Э. (2013). *Воспоминания*. В: Городецкая, Н.Д. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Санкт-Петербург: Издательство «Росток»].
- Sidorova, T. (2018). *Ideâ kenozisa v žiznetvorčestve* Н.Д. Gorodeckoj. *Studia Rossica Gedanensia*, 5: 172–182 [Сидорова, Т. (2018). *Идея кенозиса в житнетворчестве* Н.Д. Городецкой. *Studia Rossica Gedanensia*, 5: 172–182].

N.D. Gorodetskaya

The Humiliated Christ in Modern Russian Thought

Chapter I

Acceptance of Humiliation as a National Ideal

Н.Д. Городецкая

Уничиженный Христос в современной русской мысли

Глава I

Принятие самоумаления как национальный идеал

XIX век в России был ознаменован стремительным общим развитием страны. Обыкновенно говорят о «десятилетках»: каждое десятилетие привносит изменения в провозглашаемые идеи.

В результате войны и победы над Наполеоном начало века было окрашено «встречей с Западом». Русские политика, философия и религия встретились с нациями Западной Европы. Это было характерно для «эпохи Александра I» (1805–1825). В то же самое время возник вопрос, что есть Россия, каково ее место и отношения с другими нациями. Эта эпоха была «пробуждением сердца, но еще не пробуждением мысли», и проблема России оставалась неразрешенной в 1830–е годы. И никто не мог лучше выразить этот период «эстетической культуры сердца», религиозного беспокойства, а также политического и религиозного универсализма, чем сам император. Александр I умер внезапно, и многие отказывались верить в реальность его кончины. Среди людей распространилась легенда, которую мы должны упомянуть в связи с ее «кенотическим» содержанием. Говорили, что император бежал в Сибирь, переодевшись солдатом,

и с тех пор он живет там скромной жизнью в крестьянской избе под именем отшельника Феодора Кузьмича¹.

Романтическое и утопическое поколение 1830–х было сдержанно политическими ограничениями режима Николая I (1825–1855), что привело к мечтательной бездеятельности, формированию в русской жизни и литературе типа «лишнего человека». Впрочем, созидательную силу нации не могла искоренить никакая цензура. В этот период поэзия была голосом России. В ней по-прежнему звучало эхо торжествующих мотивов недавней победы.

Неожиданным признанием стало стихотворение М.Ю. Лермонтова *Родина* (1841):

Люблю отчизну я, но странною любовью...

Здесь не было военной удали, которая так привлекала его ранее: он нарисовал картины печальных деревень, пронзительных ночей с их тусклыми, мерцающими огнями; или еще – шум и танец пьяных крестьян в праздничный день. Такие пейзажи и такие герои не были характерны для байронической поэзии. Но это были картины, которые очаровывали русских авторов XIX века².

Проблема развития России во всей своей значимости предстала перед поколением 1840-х годов. И стала ключевой темой обсуждения у славянофилов и западников. Их полемика дала импульс к деятельности следующего десятилетия и стала источником вдохновения для будущих поколений. Славянофилов вдохновляли исследования фольклора, истории, этнографии; крестьянин стал героем в литературе. Вопрос крестьянства был центральным как для славянофилов, так и для западников; ранняя попытка дать определение национальному и религиозному характеру России позже соединилась с политической ситуацией в стране: обоим лагерям хотелось дожидаться освобождения крестьян.

Период «великих реформ» 1860-х (отмена крепостного права была провозглашена в феврале 1861 г.) совпал с прогрессом позитивной науки, которая преобладала в мысли и была почти доведена молодыми, «мыслящими реалистами» и «нигилистами» этого периода до статуса новой религии.

1870-е выдвинули тип «раскаявшихся дворян», которые желали «идти в народ» и выплачивать долги эпохи. Это сострадательное «кенотическое» направление внутри революционно-настроенной молодежи было оппозиционным по отношению к группе политических экстремистов материалистического толка, активно пропагандировавших анархию.

Конец века, после убийства Александра II (1855–1881) известен как «период реакции» при Александре III (1881–1894). Две интересных характеристики это-

¹ Исторический персонаж; многие верят в подлинность этого факта (здесь и далее в тексте приведены авторские ссылки и комментарии – Т.С.).

² Мы сожалеем, что не имеем возможности в данной работе отдельно рассмотреть поэзию, тем более с точки зрения возвышенного и «пророческого» характера русской поэзии и чести, которая всегда там присутствовала. Тем не менее, мы намерены упоминать наиболее значимые поэтические произведения в связи с объектом нашего исследования.

го периода: с одной стороны, марксизм, с другой – новые решения религиозных проблем. Достаточно вспомнить влияния Толстого, Соловьева и Достоевского.

XX век начался с реакции, которую С.Н. Булгаков охарактеризовал в названии своей книги *От Марксизма к Идеализму*. На самом деле там было нечто большее, чем идеализм: там было возвращение интеллигенции в Церковь. Проблема Церкви и ее природы, поставленная еще славянофилами, снова привлекла мыслителей. Это была попытка оценить возможности «православной культуры». «Кенотические» идеи также не исчезли. Они стали теперь, напротив, более определенными: в поэзии Россия звучала как «юродивая во Христе»; и богословы говорили непосредственно о Личности Христа с точки зрения кенотической доктрины.

Славянофилы и западники

Дискуссии о судьбах и сущности России могут показаться далекими от заявленной нами темы. Полемика между славянофилами и западниками кажется, на первый взгляд, отражением некоторых частных взглядов на историю России. В действительности, это было глубже: это непосредственно коснулось темы призвания России.

Все образованные люди первой половины XIX века были, в известном смысле, западниками. Иван Киреевский (1806–1856) назвал свой первый обзор *Европеиц* (под Европой всегда подразумевалась Западная Европа). Славянофилы не отрицали свою связь с Западом. В самом деле, они заимствовали от Запада, славян и немцев идею нации как единства самосознания, что проявилось в их интересе к фольклору, к проблемам причины и интеллекта, сопоставления тезиса и антитезиса. Но то, что для людей на Западе оставалось лишь теоретическими выкладками из области идей, для славянофилов в действительности реализовывалось в России. Иван Киреевский обнаружил сущность самосознания русских людей – в православной вере, в статусе христиан. Он доверял этому коллективному опыту своей нации так же, как это делали и другие славянофилы. Вот почему нам следует внимательно изучить всю восточно-западную полемику. Это покажет нам, как люди, размышлявшие над судьбами России, понимали ее призвание как христианской страны и какими они видели особенности Христианства в целом. И мы убедимся, что идея самоумаления найдет здесь своих убежденных сторонников.

Движение славянофилов было скорее религиозной концепцией мира, чем националистическим течением мысли. Обманчивое название было вызвано их сочувствием к угнетенным славянским нациям и ожиданием того, что, однажды освободившись от турецкого или немецкого ига, славянские братья под моральным лидерством России смогут создать «новый мир». У них была также мысль о том, что Россия, в ее тихой и страдающей истории, вырастет в разумную и, наконец, цивилизованную страну, сможет решить проблемы, мучающие Запад. Задачу России как Православного государства, тесно связанного для славянофилов с Христианством, они логически обратились к универсализму. То, что

Россия должна правильно понимать свою миссию и судьбу, казалось жизненно важным не только для страны, но и для мира в целом. Идея нации как христианского организма освободила славянофилов от национальной ограниченности, «предложила новые возможности универсальных отношений»³. Несмотря на такие намерения и несмотря на строгую критику России, славянофилы, явившие многочисленные примеры национального русского смирения, не смогли полностью избежать национальной гордости, а временами и слепоты в отношении реального состояния их страны. Хомякову следовало бы вспомнить, что ни государство, ни его Церковь, несмотря на их потенциальную святость, не заплатили сполна за некоторые моменты истории. Эта смесь мистического поклонения России и безжалостного критицизма окрасила всю русскую литературу XIX века, объединившую патриотических и «обличающих» писателей⁴.

Обсуждение проблемы России приобрело более определенный характер после публикации *Философических писем* (1836) Петра Чаадаева (1793–1856). Позиция славянофилов и западников стала к этому времени определенной. Они продолжали свои дискуссии, но оставались друзьями до 1845 года, когда те, кто хотели следовать по западному пути, были обвинены поэтом Н.М. Языковым (1803–1846) в измене. Это была дата формального разрыва.

Было бы напрасно ожидать от работ славянофилов ясной и разработанной системы мысли: их труды по большей части были неоконченными и фрагментарными. Как объединение славянофилы были пионерами во многих областях. Они были вынуждены думать и творить в неблагоприятных условиях. Давление цензуры воспрепятствовало Ивану Киреевскому разработать его философские труды. Подозрение тяготело и над А.С. Хомяковым (1804–1860), и потребовалось немало времени, чтобы церковный мир признал ценность его теологических сочинений⁵. Подобные работы Ю.Ф. Самарина (1819–1876) не представляют боль-

³ Ю.Ф. Самарин. *Собрание сочинений: в 8 т.* Москва 1900, т. 1, с. 221. Замечание на статью С. Соловьева, 1857. С.Н. Леонтьев. *Собрание сочинений: в 9 т.* Москва 1912, т. 5, с. 19, протестующего против идеи России быть исключительно славянской страной: «Такое содержание было бы слишком бедным для ее универсального духа». – В.С. Соловьев. *Собрание сочинений: в 10 т.* Санкт-Петербург 1896, т. 3, с. 196: «Правда может быть только универсальной». Известно высказывание Достоевского: «Русские имеют две родины, Россию и Западную Европу» а также его речь о Пушкине, чью главную заслугу он видел в создании «универсального» русского человека.

⁴ Парадокс национальной гордости и смирения был решительно поставлен В.С. Соловьевым после его разрыва с группой в 1881 году, особенно в работе *Национальная проблема в России*, т. 5, с. 30. Парадокс империализма и смирения у ранних славянофилов, Достоевского и также у Соловьева был замечен М.М. Тареевым. *Основы христианства*. Москва 1908, т. 4, с. 295, 367. Среди многих примеров критицизма России, сделанных славянофилами, можно отметить статьи И.С. Аксакова о Церкви и Государстве. К.С. Аксаков был убежден, что его нации свойственно горячее чувство покаяния. Хомяков в своем стихотворении *К России* (1854) говорит: «Тяжело на тебя давит ярмо рабства; ты пресытилась безбожной и разрушительной ложью» и т.д.

⁵ Ф. Смирнов. *Теологические идеи Славянофилов*. В: *Православном Обозрении*, 1883 и 1884, отсылает к этому недоразумению. Некоторые представители церковного мира (например,

шого интереса: он сделал больше в качестве адвоката и судьи, борющегося во имя эмансипации. Петр Киреевский (1808–1856) проделал значительную работу по сбору и классификации фольклора. Исторические сочинения К.С. Аксакова (1818–1860) остались только в фрагментах, но все же ценны для выражения его понимания общества. И.С. Аксаков (1823–1895) в большей степени, нежели другие славянофилы, помогал славянам в их борьбе за свои права в качестве журналиста. Он подробно описывал положение Церкви в России и разоблачал недостатки своего времени; он ратовал за свободу совести и требовал отделения Церкви от Государства. Честность жизни и мысли славянофилов была признана даже их оппонентами. Далее мы специально отметим их как группу народных богословов и искренне верующих библеистов, внесших существенный вклад в «кенотическое» вдохновение ранней России.

Поэтические интуиции и прозрения лучше, чем систематические учения, могут выразить действительную сущность движения. Так, Федор Тютчев (1803–1873) занимает позицию убежденного славянофила. Его политические статьи, такие как *Россия и революция* (1848) или *Папство и римский вопрос* (1849) и все его стихотворения политического содержания выражали его надежду на будущее России и его веру в особенную божественную защиту, хранящую его родину, несмотря на то что это была «темная земля непробужденной нации». Он рассматривал Россию как слугу Христову и поэтому выражал надежду, что наступит великий день, «всеобщий и православный день» (*День православного Востока*, 1850). В 1854 году он написал: «Теперь не время для стихов»: война для него не несла политическую угрозу, но была направлена против «слова России», против жизни и просвещения будущих времен. Он убеждал своих читателей «быть верующими и стать оправданными перед Богом». На вопрос, что было этим таинственным «новым словом», Тютчев, а с ним и все славянофилы, могли бы ответить:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья –
В Россию можно только верить.

Эта вера в Россию не была националистической моделью, никто не оценивал ее выше любой другой культуры, или цивилизации, или исторической общности. Очевидно, что Россия того времени была вряд ли цивилизованной или высококультурной страной. Но даже если получится преодолеть историческое несовершенство, даже если свобода и счастье воцарятся в стране, что заживит старые раны, скроет следы насилия, заполнит пустоту падших душ?

Филарет Московский), поддерживали его, но он не мог опубликовать свои работы и мог писать некоторые из них на иностранных языках и печатать их за пределами России. После его смерти Самарин отредактировал его работы в Праге, на русском языке. Кроме своих собственных сочинений, Хомяков переводил Послания к Галатам и Ефесянам и писал постраничные комментарии на Филиппийцев, приведя около 6 кенотических интерпретаций.

Кто их излечит, кто прикроет?
 Ты, риза чистая Христа...
 (Над темной толпой)

Тютчев сам сполна познал сомнения и страсти. Неизвестные силы хаотичного ночного мира одновременно манили и пугали его: *Дай вкусить уничтоженья, с миром дремлющим смешай* (Сумерки). Он чувствовал томления духа и был в смятении. Но путь из этого темного мира был ясен для него. Выход был в Евангелии и в Личности Спасителя (*При посылке Нового Завета*). Все страсти мучили поэта – «*Душа готова, как Мария, К ногам Христа навек прильнуть*» (*О, вещь душа моя*). Как человек Тютчев не мог всегда оставаться верным Христу. Но он глубоко верил, что его нация и в особенности крестьяне не предадут Спасителя. Эта связь национальной души с Христом была для него вопросом веры и даже больше: убежденностью, что такая связь еще не реализована в полной мере. Данное понимание нашло отражение в его стихотворении *Эти бедные селенья*:

Эти бедные селенья,
 Эта скудная природа...
 Край родной долготерпенья,
 Край ты Русского народа.

Не поймет и не заметит
 Гордый взор иноплеменный
 Что сквозит и тайно светит
 В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной
 Всю тебя, земля родная,
 В рабском виде Царь Небесный
 Исходил, благословляя⁶.

Это стихотворение раскрывает самое сердце славянофильства. Оно дает понять, что «новое слово» заключает в себе призыв быть христианином и позволяет выговориться покорным бесправным людям, которые несут в себе образ Царя небес. Исходя из этого, внимание творческой интеллигенции XIX века впредь было приковано к крестьянству. Это было больше, чем отношение социального сострадания – это была готовность учиться у простых людей. «Мы должны учиться у людей стать интеллектуально скромными; мы должны осоз-

⁶ Это стихотворение было широко известно и часто цитируемо. Достоевский применял его как иллюстрацию к сущности русского характера и русской судьбы. Тареев как богослов, заинтересованный в светской культуре, упоминает его, когда размышляет об уничтожении Христа. Действительно, это стихотворение могло бы послужить эпиграфом к некоторым работам, связанным со 2 главой Послания к Филиппийцам. В то же время Тютчев остается поэтом элиты; популярность именно этого стихотворения была обусловлена скорее его содержанием, нежели славой автора.

нать, что крестьянская концепция мира более правдивая, чем наша»⁷. Тем, кто хотел порассуждать на тему отсутствия образования среди русского крестьянства, Достоевский дал решительный ответ:

Я утверждаю, что наши крестьяне были просвещены давным-давно принятием Христа и Его светом... Человек из народа знает все, хотя он не сдавал экзамены по Катехизации. Он учился в церквях, где во время богослужений он слушал молитвы и песнопения, которые лучше, чем любые проповеди... и он знает сердцем *Господи и Владыко живота моего*⁸: вся сущность Христианства заключается в этой молитве. Но его главной школой Христианства были эпохи бесконечного страдания, которые он терпел в ходе истории, когда, оставленный всеми, угнетаемый всеми, работающий для всех, он оставался в полном одиночестве со Христом, Утешителем, Которого он принял в свою душу и Который спас его душу от отчаяния⁹.

Это отождествление крестьянства с образом оскорбленного Христа было перенесено и на остальную часть нации. Это стало основой веры в «Святую Русь». Реконструкция популярных песен и фольклора также показали, какие сокровища народной души были спрятаны в глубине отдаленных деревень¹⁰. Историческое и духовное прошлое, выраженные посредством фольклора, вдохновили славянофилов надеяться на лучшее будущее их страны.

Религиозный подход окрасил всю систему славянофилов. Они подчеркивали тот факт, что слово *крестьянин* созвучно слову *христианин*. Все они были убеждены, что «человеческие инстинкты и верования» главнее любых книг из-за «бескорыстия и самопожертвования, которые заложены в их моральной природе»¹¹. Их личные стремления и достижения часто были следствием этой веры в православную душу крестьян¹².

⁷ К.Н. Леонтьев, т. 8., с. 110.

⁸ Молитва св. Ефрема Сирина:

«Господи и Владыко живота моего,
Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи, Царю!
Даруй ми зрети моя прегрешения,
И не осуждати брата моего
Яко благословен еси во веки веков».

Эта молитва стала судьбоносной в жизни революционера А.К. Маликова (см. ниже).

⁹ Ф.М. Достоевский. *Сочинения*. Санкт-Петербург 1905–1906. Речь о Пушкине, т. 12, с. 438, 439.

¹⁰ Все славянофилы, особенно Языков, коллекционировали все, что могли найти для П. Киреевского. Он организовывал экспедиции по различным уголкам страны. Он умер незадолго до издания труда всей своей жизни. Некоторые из Южных песен были высланы ему Гоголем. См. также библиографические и археологические работы Митрополита Евгения Болховитинова (1767–1837). Также следует вспомнить так называемые духовные песни. См.: Г.П. Федотов. *Духовные песни*. Париж 1935.

¹¹ Ф.И. Тютчев. *Сочинения*. Под ред. П. Бикова. Санкт-Петербург 1912, с. 468. Россия и революция.

¹² Обращение И. Киреевского, в связи с его открытием православия в крестьянах, а также под влиянием его жены, имело важные последствия не только для него самого. Он познако-

Интерпретация русской истории – главный камень раздора между славянофилами и западниками – интересна для нас. Это показывает, что ключевые особенности русской истории, к которым обратились славянофилы, подпадают под определение «кенотических» функций. Мирный характер Древней Руси и призвание варяжских князей (Рюрик 879) казались славянофилам истинным проявлением христианской духовности: «В нашей ранней истории нет пятна завоеваний. Кровь и вражда не были фундаментом Российского государства... Церковь, имея ограниченное поле деятельности, никогда не теряла чистоту внутренней жизни и не призывала своих детей к несправедливости и насилию»¹³. Нация развивала систему общинной организации и избирала своего князя, который был также за «добровольное самоограничение каждого человека»¹⁴. Этому духу суждено было пройти через всю историю России, от призвания варягов – и в случае Михаила Романова¹⁵ (правил 1613–1645). На это возвышенное – любовь к миру, смирение и самоограничение – западники могли ответить то, что «этот самый вызов князя из-за моря был неправильным и ненормальным»; а что касается смирения, то «это рабство, как рабской является и Российская гордость»¹⁶. Еще более горький спор был спровоцирован фигурой Петра Великого и его реформами (правил 1682–1725). Славянофилы обвиняли его не столько в насаждении иностранных идей и путей развития нации, сколько в разрушении ее мирного характера и внедрения раскола между правительством и народом¹⁷. С тех пор растущая империя, по их словам, ушла в заблуждение от национальных христианских идеалов, и подавленный дух государства сменил братский дух деревенских общин. Этот общинный принцип ранней России был также использован западниками, но уже в политическом контексте. Это не было возвращением к идиллическому прошлому, как того хотели славянофилы, но одной из возможностей для страны развиваться в христианском духе ее прошлого¹⁸.

Даже в своих политических конструкциях лучшие из славянофилов утверждали, что готовы к самопожертвованию и даже нищете. Не менее чем либеральные западники, славянофилы, хотя сами были землевладельцами, ратовали за отмену крепостного права; из письма Хомякова: «Тот, кто оби-

---

мился с монахами из Оптиной пустыни и стал их помощником в переводе и издании ранних Отцов-аскетов. Со временем Оптина была связана с литературным миром.

¹³ А.С. Хомяков. *Сочинения: в 8 т.* 4-е изд. Москва 1906–1911, т. 3, с. 28.

¹⁴ Ю.Ф. Самарин, т. 1, с. 52. По материалам Современника 1847.

¹⁵ К.С. Аксаков. *Сочинения: в 3 т.* Москва 1861–1880, т. 1, с. 8, Исторические письма.

¹⁶ И.С. Тургенев. *Дым*. Пер. К. Гарнетт, 1896, с. 45, 52. Оба автора выражают здесь взгляды и позицию западников.

¹⁷ Г. Флоровский. *Пути русского богословия*, с. 83: «Это было не так расколом между правительством и нацией, как расколом между правительством и Церковью».

¹⁸ Отношение славянофилов к государству было в целом отрицательным. К.С. Аксаков говорил о нем, как о «компромиссе», «проживанием человеческой христианской совести, являющейся выше, чем какой-либо законный заказ». – И.С. Аксаков. *Сочинения: в 7 т.* Москва 1886, т. 1, с. 679. В.Я. Богучарский. *Активное народничество 70-х гг.* Москва 1912, с. 21, замечания Аксакова повлияли на Бакунина и анархизм в России.

жен, может простить; преступник никогда не прощает; его преступные ростки рождают ненависть. Христианин может быть крепостным, но не должен быть рабовладельцем»¹⁹. Еще до освобождения крестьян И. Аксаков пошел дальше и предложил, чтобы «дворянство как класс» исчезло²⁰. В контексте внешней политики, ратующей за освобождение славян, Самарин связывал эту проблему с вопросом о Польше и советовал России отказаться от Польши «охотно и следуя своим внутренним побуждениям... ради умиротворения Европы, которая теперь против нас»²¹. Даже Н.Я. Данилевский (1822–85), ученый, экономист и приверженец практической политики, признал бы, вместе с К. Леонтьевым, что «Россия имеет своеобразную политическую судьбу... Ее интересы носят моральный характер, что проявляется в поддержке слабых и раненых»²². И хотя Россия нуждалась в тот момент в усилении своего влияния на Балканах, славянофилы не были заинтересованы в этих практических вопросах, но смотрели на славянскую проблему с точки зрения определения христианской веры, «универсального православия»²³. И.С. Аксаков приводил множество примеров готовности крестьян отдать их труды и даже жизни для «собратьев»²⁴. Для них Россия содержала в себе «принцип собирания славян; она должна была показать миру строгую чистоту политического и духовного знамени славянства, не в смысле какого-либо амбициозного украшения, но как символ, указывающий путь»²⁵. Этот путь, культурное призвание страны, следует понимать «не как ложную привилегию, а как реальный долг; не как господство, но как служение»²⁶. И Достоевский подвел к логическому заключению, сказав, что «вся сила России заключается в жертвенной незаинтересованности – вся ее личность, так сказать, и вся дальнейшая судьба России». Более того, недостаточно «желания послужить человечеству. ...Кто хочет быть великим в Царствии Небесном, тот должен быть слугой всем. В этом идеале, как я понимаю, и есть русская судьба»²⁷.

Славянофилы имели интуицию универсальной истории как реализации Царствия Божиего. Для них первостепенным было то, что Россия должна чувствовать свою реальную миссию в этом историческом процессе, который воспринимался ими как органично единый. Мы только можем упомянуть здесь большой вклад славянофилов в идею единства и целостности. Это было сформулировано в теологических сочинениях Хомякова как определение «соборность»²⁸. В сфе-

¹⁹ А. Хомяков, т. 2, с. 97. Теологические письма.

²⁰ И.С. Аксаков, т. 5., с. 28, (в письме) от 6.01.1861 год.

²¹ Ю. Самарин, т. 1, с. 343, Современное содержание польского вопроса.

²² К. Леонтьев, т. 5, с. 29 (в 1873 г.), ср. Н.Я. Данилевский. Россия и Европа (Санкт-Петербург 1869), с. 436.

²³ Ф. Достоевский, изд. Берлин, 1922. *Дневник писателя* (1876), с. 561.

²⁴ И. Аксаков, т. 1, с. 223 и 273, Запись от 24.10.1876.

²⁵ Там же, т. 1, с. 50, *Славянская проблема* (в День 1865).

²⁶ В. Соловьев, т. 4, с. 7, *Великий спор и христианская политика*.

²⁷ Ф. Достоевский. *Дневник*, с. 289.

²⁸ Термин использовался в Символе веры как «Кафоличность»; также выражает симфоническую природу католического сознания или Католицизм, дух, в котором все работают вместе

ре мысли И. Киреевский надеялся создать синтетическую философию, которая могла бы примирить веру и разум – тему продолжил В.С. Соловьев (1853–1900) с его философией истории как «богочеловеческим процессом». Они надеялись, что «вера, это наивысший интеллект, придающий жизни смысл»²⁹, должна помочь нации «осветить популярный общечеловеческий принцип как принцип Церкви»³⁰. «Новое слово» – это и обращение Православия к остальной части человечества, а потому должно быть по сути христианским. Русские люди и Православная Церковь мыслились как синтез, противостоящий Католическому и Протестантскому мирам. Задача России понималась как примирение этих двух миров, воссоединение разделенного христианского мира³¹.

Вклад России в это универсальное открытие Царства Божия было определено Хомяковым, когда он смело провозгласил: «Есть только одна задача, приемлемая для России – быть обществом, основанным на высоко моральных принципах... Все, что основано на самоотречении и самопожертвовании, включено в одно слово: Христианство. Только одна задача возможна для России: стать самым христианским из человеческих сообществ. Вот почему она всегда оставалась и останется равнодушной ко всему, что мелко, условно и случайно»³².

Соловьев, хотя его конфессиональные идеи изменились со временем, верил, что «высокая сила, которую русская нация может показать человечеству – это сила не от мира сего, и внешнее богатство или порядок по отношению к ней не имеют значения... Это религиозное призвание»³³. Он неоднократно повторял похожее заявление³⁴ и предупреждал своих читателей, что «для русского общества будет позором, если оно вынужденно будет снизить эту высоту и заменить универсальную задачу маленькими профессиональными или классовыми интересами под знаменем любых великих имен»³⁵. Достаточно часто он напоминал, что «внешняя форма раба, в которой мы нашли нашу нацию, жалкое состояние России в экономической и других областях, далеко не противоречит ее призва-

---

и которому все способствует – определение из *Соборность*, журнал Братства св. Албана и св. Сергия.

²⁹ И. Киреевский. *Сочинения*. 2-е изд. Москва 1856, т. 1, с. 249, о Новых принципах в философии.

³⁰ Ю. Самарин, т. 1., с. 63, по поводу «Современника».

³¹ Там же, т. 1, с. 116, о национальности в науке. Тезис был предложен им в Московском университете в 1844. Стефан Яворский и Феофан Прокопович защищали похожую идею. Опубликовано посмертно в 1880.

³² А. Хомяков, т. 3, с. 335. Среди его стихотворений многие передают его идею Христианства и «кенотической» страны: *Остров* (1836); *России* (1839); *Раскаявшейся России* (1854); *Если сомненья в твоей душе* (1859).

³³ В. Соловьев, т. 1, с. 238. Три разговора. Его стихотворение *Ex Oriente Lux* (1890), он предлагает России выбирать между – становиться мирской силой Востока или – быть орудием Христа.

³⁴ Там же. *Письма*. Под ред. Е.Л. Радлова (Санкт-Петербург 1908, 1911), т. 1, с. 189, к епископу Штротсмайеру в 1866; также с. 198 к Е. Тавернеру в 1896.

³⁵ Там же. Речь о Достоевском, т. 3, с. 204.

нию, скорее, наоборот, подтверждает его»³⁶. Не только славная задача страны была выражена в плане Христианства, но, как мы видим, «образ раба только подтверждает» такое призвание. Это «кенотическое» национальное самоопределение было сформулировано еще более точно, когда И. Аксаков объяснил, что «самые высокие результаты свободной деятельности человеческого духа – мысль, наука, искусство и так называемая цивилизация – должны служить постепенному воплощению христианского идеала в человеческом обществе»³⁷. Вот почему все славянофилы были обеспокоены воплощением предназначения России и ее достойным существованием³⁸.

Какие характеристики национальной принадлежности, с точки зрения славянофилов, соответствуют требованиям святой универсальной России? Что сделал их лагерь и каждый из них в отдельности для осуществления миссии России?

Великие чемпионы свободы, славянофилы, тем не менее, выступали с позиции христианского послушания, следования законам и плодам христианской жизни. Давняя тенденция государства «превращать граждан в вещи», по их мнению, будет полностью изменена посредством христианства; рабство одного человека другому изменится «в добровольное свободное послушание»³⁹. Истинная жизнь, временная и вечная, зависит «от одного общего условия, а именно, от морального акта самоотречения людей и народов... плодом такого акта является вера и послушание»⁴⁰. В стране, как представлялось славянофилам, не будет никакого принуждения. Свобода совести будет гарантирована; рукой господ станет «это слово, этот духовный меч священной правды, который страдает от использования кого-то другого или только материального»⁴¹. Не будет никакого рабства и, прежде всего, смертной казни, которая для всех славянофилов, не менее чем для Толстого, есть «легализованное убийство»⁴², противоречащее духу и разуму учения Христа⁴³. Достоевский, с его опытом приговоренного к смерти, выступал против смертной казни в художественной литературе⁴⁴.

«Любовь смирения»⁴⁵, любовь, забывающая себя, безумие в глазах мира, должна стать основой жизни, личности, национального и универсального.

³⁶ Там же, Три разговора, т. 1, с. 238.

³⁷ И. Аксаков. *Цивилизация и христианский идеал* (1883), т. 2, с. 721.

³⁸ М. д'Эрбиньи. В. Соловьев. *Русский Ньюмен*. Париж 1934, с. 170.

³⁹ И. Аксаков. *Жизнь Тютчева*. Москва 1886, с. 177.

⁴⁰ В. Соловьев. *Великий спор...*, т. 4, с. 53.

⁴¹ И. Аксаков. *Общественные вопросы в духовных делах*, т. 4, с. 607.

⁴² Н. Л. Бродский. *Ранние славянофилы*. Москва 1909, с. 117.

⁴³ И. Аксаков. *Деспотизм теории над жизнью* (1868), т. 2, с. 395, 400.

⁴⁴ Приговоренный в 1849. *Идиот* написан в 1868. «Легализованное убийство намного страшнее убийства разбойников. Кто может сказать, в состоянии ли человеческая природа вынести это без безумия? Возможно, тот человек, который был приговорен к смерти, был подвержен этой пытке, и ему потом сказали „ты можешь идти, ты прощен“. Возможно, такой человек мог бы рассказать нам. Это была та пытка и та агония, о которых также говорил Христос» – пер. К. Гарнетт (1913), с. 19.

⁴⁵ К.Н. Леонтьев, т. 7, с. 385.

Христианская духовность не может быть заменена «какими-либо приличными манерами»⁴⁶ и при этом не может быть выверена никакой выгодой⁴⁷. Здесь не может быть никакого компромисса, никакого смешивания требований Бога с человеческими идеалами.

Бедность должна быть сохранена в самом большом уважении. Простота жизни позиционировалась как идеал. Роскошь или даже привычный комфорт, как его понимали, были «незаконными не только с религиозной точки зрения, но и моральной и социальной... Русский дорожит тряпками шута ради христианской пользы больше, нежели парчой придворного»⁴⁸. Нищий оценивался как потенциальный гражданин Царствия Небесного «в образе слуги». Отсюда славянофильское недоверие к организованной благотворительности. Возможность предоставления личной помощи воспринималась как привилегия. Милостыня должна оказываться не через празднества с благотворительными целями, а в набожной любви. «Нищий делает крестное знамение и все вокруг повторяют это, благодаря Господа за предоставленную возможность быть достойными подать что-то нищему... Они просят не просто деньги, а подачи милостыни от души»⁴⁹. Сюда прибавлялось подозрение, что золото само по себе почти никогда не происходит из абсолютно чистого источника. С другой стороны, жажда принять участие в святом акте милосердия часто принимала форму самоотречения, фактической «самонищеты» – «врожденного качества» нации⁵⁰. Никакое учение или цивилизация не считали необходимым создать истинный дух благотворительности, повиновения и самопожертвования. «Христианство не учит, но показывает»⁵¹. Поэтому, более того, крестьянин даже в его государстве крепостничества может стать почти лидером жизни.

Мы можем подвести итог религиозных и национальных идей славянофилов, исходя из идей самоограничения, смирения, бедности и других достоинств «кентического» характера. Легко заметить, что такие идеи подвержены неверному истолкованию. Фактически они часто понимались как выражение «мракобесия». Т.Г. Масарик неодобрительно заявляет, что славянофильские «пассивные христианские достоинства уважались; даже страдание было хорошим состоянием; примирительное, терпеливое, набожное смирение и скромность устанавливались как главные христианские достоинства православной России»⁵².

На пике противоречий славянофилы и западники иногда резко отзывались друг о друге. Фактически же ранние западники имели немало общего со своими противниками: «страстное чувство [к России] для истории и для нас – как

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ И. Аксаков. *Письма*. Москва 1888–92; родителям, 1848.

⁴⁸ И Киреевский, т. 2, с. 214, О характере Европейской цивилизации, 1852.

⁴⁹ Н.Л. Бродский. *Ранние славянофилы*, с. 85, из пьесы К. Аксакова *Принц Люповицкий*.

⁵⁰ В. Соловьев. *Духовные основы жизни*, т. 3, с. 385. Это была совершенная правда о самом Соловьеве. Или – соответствовало лично Соловьеву. Тургеневские *Щи* являются также хорошей иллюстрацией этому.

⁵¹ И. Аксаков. *Цивилизация и христианский идеал* (1883), т. 2, с. 711. Это в полном объеме представлено в славянофильстве и западничестве.

⁵² Т.Г. Масарик. *Дух России: в 2 т.*, 1919. Глава 9, с. 2, о К.С. Аксакове, письма в Лондон, 1861.

пророчество»⁵³. Для того чтобы Россия выполнила это пророчество и развила свои лучшие качества, она должна, по мнению западников, учиться у «старших братьев» на Западе. Несмотря на расхождения «в сороковых и двух следующих десятилетиях западники находились под славянофильским влиянием»⁵⁴. С другой стороны, из обеих групп вышло немало умеренных западников, либералов, прогрессивных конституционалистов. Выдающиеся западники часто использовали язык славянофилов и часто считали удобным для самовыражения подобную лексику.

Важно отметить, что если все славянофилы выступали от имени группы, то западники – это ряд индивидуальностей. Поэтому кажется логичным анализировать данное движение по тому, как оно было представлено в учении главных лидеров.

(Продолжение следует)

---

⁵³ А.И. Герцен. Санкт-Петербург 1919, т. 9, с. 11, о К.С. Аксакове, письма в Лондон, 1861.

⁵⁴ Т.Г. Масарик. *Дух России...*, т. 1, с. 334.